

ЛИТЕРАТУРА

*Всероссийская
олимпиада школьников*

10 класс

II (муниципальный) этап

2025

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
 - обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
 - не забывайте, что единственно верного ответа нет – важно только, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опираясь на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
 - после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.
- Максимальная суммарная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Целостный анализ поэтического или прозаического текста – по выбору участника олимпиады. (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Установочные вопросы.

Поэтический текст. 1) Каковы особенности изображения грозы в данном стихотворении? 2) Какие художественные средства используются автором в этом изображении? 3) Как может быть охарактеризована звуковая и ритмическая организация текста? 4) Какую смысловую роль играет последняя строфа? 5) О чем это стихотворение?

Прозаический текст. 1) В чем своеобразие интерпретации темы войны в этом рассказе? 2) Какие черты в образе кузнеца являются главными, определяющими суть этого образа? 3) Какую художественную роль по отношению к кузнецу выполняют другие персонажи рассказа? 4) Что в этом рассказе не изображается прямо, а подразумевается, выводится в подтекст. 5) Каковы особенности композиции данного произведения?

Николай Александров

* * *

После полудня туча наплыла –
Не подвели старухины приметы –
Завесили платками зеркала,
Попрятали блестящие предметы.

Затишье перед жуткою грозой
В умолкшем доме, во дворе и в поле:
Вот-вот полнеба острою косою
До горизонта молния распорет!

Дрожит без ветра блёклая ольха.
Когда-то – так старуха говорила –
Гроза убила в поле пастуха
И дерево столетнее спалила.

О чем-то зашептала за стеной
Черемуха – и вот всё ближе, ближе
Движенья мрака, и пошло волной,
И грохнуло поленницей по крыше!

Забились дети в угол – и молчок,
Лишь вздрагивают от ударов грома.
Дверь заперта надежно на крючок.
Гроза рычит, как зверь, над крышей дома.

И так светло теперь припоминать
Под тихий рокот рельсового пенья
И этот страх, и эту благодать
Языческого детского томленья.

Сергей Никитин
ОБРОК

Кузнец умер внезапно. И всех сначала поразила не сама смерть его, а ее совместимость с кузнецом. Был он в свои сорок лет на загляденье хорош собой: серебрилась в крупных кудрях паутина, по углам рта лежали матерые складки, широкие ноздри всегда чуть подрагивали, а в глазах горели такие угли, что даже у многих молодых девчонок становилось горячо под сердцем от их взгляда. Играючи махал он из печи под молот пудовые коленчатые валы, и казалось, изнася ему не будет. На заводе про его силу рассказывали такой случай. Вышел он как-то из цеха и увидел, что по заводской ветке мчится вагонная ось с двумя колесами. Кузнец сорвал с пожарного щита лом, загнал его в песок под шпалу, а другой конец принял на свое плечо. Лом согнуло осью, точно ивовый прут, а кузнец выпрямил его об коленку и опять повесил на щит, на место... Вековая держалась сила: дед его был кузнец, и отец его был кузнец, и сам он был кузнец, и фамилия им всем была Кузнецовы.

И вот умчали кузнеца санитары в фуражках с кокардами – только пыль муругим хвостом завилась за машиной.

А начался этот воскресный день с того, что грузовик привез дрова. Шофер грохнул кулаком в раму, закричал: «Эй, хозяин! Покажи, где сваливать!» – и стал ждать, насвистывая что-то веселое.

Пока кузнец путался спросонок в штанах, дочь его Маша набросила халатик, вышла босиком на крыльцо.

– Ух! – сказал шофер. (Озорник был ужасный.) – Ух! На вас глядеть, как на солнце, – глазам больно.

В это время вышел и кузнец.

– На солнце могут глядеть только орлы, – сказала Маша.

И пошла через двор к сараю – тоненькая, легкая, длинноногая.

Шофер сдвинул на лоб засаленный берет, сел в кабину и, подгоняя задним ходом грузовик к сараю, подмигнул кузнецу:

– Значит, во всех смыслах задний ход, дядя?

– А ты думал! – самодовольно сказал кузнец.

Дрова с гулким раскатом осыпались с самосвала; винно запахло кислым березовым соком, на торцы, к сладкому, сразу налипли большие синие мухи.

– Целая роща под топор пошла, – покачал головой кузнец.

Шофер опять созорничал:

– А это, дядя, чтобы мораль соблюсти.

– Как так?

– Чтобы, значит, молодежь по рощам не но-рилась.

– Ну, понес! – рассердился кузнец. – У тебя, видно, одно на уме, оболтус!

Когда он уехал, кузнец закрыл ворота, походил по вытопанному пыльному дворику. Жил он

на новой улице из маленьких коттеджей, которые здесь называли финскими домиками. Улица была окраинная. За канавкой с пересыхающим ручьем и бревенчатым мосточком уже начинались колхозные поля, по косоугору блестели рамы парников, а дальше, на самом перевале, щеткой торчал мелкий ельник, и было здесь подеревенски тихо, привольно, ясно небо, хотя и головато, как всегда на новом месте после стройки.

– Деревья надо сажать, – сказал кузнец. – Обязательно, чтобы яблони, вишенье, терн...

Маша в это время ломала у забора полынный веник.

– Буди Василия, – сказала ей кузнец.

– Василий, папа, на рыбалку ушел, – ответила Маша.

– А, дьявол его задави! Ведь было говорено наперед, что дрова привезут. – Кузнец пнул ногой откатившийся кругляк. – Перепилить бы их сразу, убрать – за лето до звона высохнут.

– Ладно, папа, – сказала Маша. – Пусть уж.

Василий догуливал последнее перед армией лето, и ему было все позволено – гуляй напропалую.

– Потатчицы... – проворчал кузнец.

На крыльцо вышла жена с большой корзиной в руках.

– Ну, что развоевался? – ласково спросила она. – Пойдем со мной.

И в то утро, как обычно по воскресеньям, кузнец ходил с женой на рынок.

Было жарко. Утро, по-августовски медленное, долго выстаивалось в сиреновом тумане и казалось пасмурным, волглым, но когда туман поднялся и растаял, обрушилось на город каленым зноем, сухью, запахами уже подсыхающей листвы тополей и базарной площади.

Пока жена делала покупки, кузнец по обычаю выпил в закускойной кружку пива. Здесь у него нашлось много знакомых, рабочих с завода. Одного – усатенького, юркого, норовившего пролезть к буфетной стойке без очереди – он хлопнул по плечу и спросил:

– Ну, как теперь живешь-можешь, Иван Власыч?

На что тот, хитренько посмеиваясь одними глазами, ответил:

– Нет, я теперь уж не Иван Власыч, а «тыбы». Как вышел на пенсию, только и слышу дома: «Ты бы сходил на базар», «ты бы принес дров», «ты бы выпил помой»...

– А «ты бы выпил кружечку» небось не говорят? – под общий смех всей очереди спросил кузнец.

С базара он нес тяжелую корзину, а жена шла по другую руку и держала его за локоть.

Недалеко от дома им встретилась и надменная поклонилась «каменная красавица» Люська Набойкова – толстая блондинка с белым непо-

движным лицом. Она никогда не улыбалась, чтобы уберечь лицо от морщин, и за это на улице ее прозвали «каменной красавицей».

– Ишь ты! – сказала жена кузнецу. – Так и ведешь за ней блудливым глазом.

– Ну полно, мать! – засмеялся кузнец, обнимая свободной рукой жену за плечи. – Мне бабу нужно, как ты, резвую, чтобы платье на ней шуршало, когда она по квартире бегают.

И, зная, что это говорится не в пустое утешение, а воистину, она, вся такая ладненькая, крепенькая и ловкая, расцвела от его грубоватой ласки.

Дома в ожидании завтрака кузнец возился с младшим сыном, которого звали редким теперь именем Аксен.

– И ты его видел? – спрашивал мальчик.

– Ну конечно! Доктор отхватил его блестящим ножичком и бросил в таз, а потом его закопали на госпитальном дворе, у помойки.

– Бррр... – сказал мальчик.

Он сидел у отца на животе и осторожно держал его большую темную руку с выпуклыми венами и несмываемой грязью в складках кожи. Мальчика давно занимала эта история с рукой, которую сначала ранили на войне, потом долго лечили в госпитале и все-таки отрезали ей палец. Он был вот здесь, на этом самом месте, шевелился, сгибался, сжимался вместе со всеми в кулак, и мальчик, силясь вообразить продолжение маленького гладкого бугорка, все настойчивей донимал кузнеца вопросами.

– А он был такой же, как этот?

– Точно такой же.

– Тебе его жалко?

– Еще бы!

– А почему не вырастет новый? Почему зуб вырастает, палец – нет.

– Ну уж этого я не знаю, отстань.

Аксютка опять долго рассматривал изуродованную кисть его руки, потом спросил:

– А волосы на нем тоже были?

Они лежали на тощем островке травы у забора, из-под которого лезла седая вонючая полынь, но оба привыкли к ее запаху и даже любили его. В нем жил сухой летний зной, звон кузнециков, полуденная сонь – и без него лето было бы не летом. В этом запахе для них было даже что-то праздничное, потому что хозяйка дома – жена, мать – каждое воскресенье мела вспрыснутый пол свежим полынным веником, потом вся семья садилась за стол, ела огромную кулебяку с капустой, а кузнец достаивался к тому же стакану или даже двух водки.

– Ну-ка, Аксен Федорыч, узнай, как там у матери дела, – сказал кузнец и поднял сына, чтобы снять его с себя, но вдруг охнул, сел и удивленно оглянулся по сторонам.

– Ух, как старую царапину засадило, – сказал он.

Потом встал и пошел к дому, держась за грудь, но на крыльце остановился, подождал Аксютку, и в кухню они вошли рядом – большой,

сутуловатый, с густым серебром в волосах, и маленький, босой, в полинявшей майке, заправленной в синие штанишки.

Кузнец шел и морщился.

– Что-то старую царапину засадило, – опять сказал он.

В спальне он лег на ковер, на пол, где всегда любил лежать в прохладе и просторе, и уж не сказал ничего, кроме самого обычного, что говорил много раз:

– Окно откройте...

Маша бросилась к окну, толкнула плотно пригнанные створки, и сухой, горячий, пахнущий полем и ельником сквозняк пронесся по комнате, подхватив со столика пачку Аксюткиных конфетных оберток. Желтые, красные, синие, они, кувыркаясь и трепеща, носились в воздухе и падали кузнецу на лицо, а он лежал с открытыми глазами, и веки его не дрогнули...

Было около десяти часов утра. За день в доме на окраинной улице перебивало много людей. И все, кто видел в это утро кузнеца, теперь с недоумением припоминали и в подробностях пересказывали друг другу каждый его шаг, каждое слово: вот привезли дрова, вот был на рынке, вот шутил с Иваном Власычем, вот возился с Аксюткой...

У низенького забора, разинув рот, стояла и грустными коровьими глазами смотрела на пыльный дворик соседка, «каменная красавица» Люська Набойкова.

Иван Власыч, слизывая с усов слезы, сказал:

– Ведь она, наверно, в меня, старика, подлая, метила, да промахнулась...

А озорник шофер, успевший сменить свой засаленный берет на выходную кепочку, мрачно произнес:

– Все мы на земле, как в гостях.

Было ему на вид лет девятнадцать.

Жена, Маша и Аксютка не говорили – они плакали.

Вечером, вернувшись с рыбалки, узнал о смерти отца Василий. Ударом ладони распахнув дверь, он выбежал из дома и зашагал в поле, подвывая сквозь сцепленные губы.

Темно и тихо было в поле. Ни свет звезд, ни сияние Млечного Пути, как это бывает в августе, не достигали земли; и только в стороне, где пролегала шоссейная дорога, в воздухе шатались столбы света от автомобильных фар.

Под ногами у Василия сухо шуршала ржаная стерня, потом он оступился в глубокую межу, упал, поднялся и снова зашагал, но теперь уже по неровному, комкастому картофельнику, путаясь ногами в ботве.

Очнулся он около леса. Мелкий ельник дохнул на него горячее, устоявшейся за день духотой; жесткая трава, росшая на закрайке, со свистом стегнула по сапогам. Над головой бесшумной тенью – ни вскрика, ни посвиста крыльев – метнулась маленькая совка.

«Зачем я тут? – подумал Василий. – Вот пень торчит... Вот паутина на лицо налипла... Ес-

ли воткнуть с приговором в гладкий пенек нож и перекувыркнуться через него – станешь волком, а когда набегашься, надо перекувыркнуться с обратной стороны. Унесет кто-нибудь нож – так и останешься волком...»

Он сел в траву, припал к теплому пню и заплакал...

И еще. Утром патологоанатом, сделав свое дело, вышел в коридор покурить. Это был высокий, сухой, всегда басовито покашливающий старик, насупленный и молчаливый. В смерти, с которой его профессия сняла мистические покровы, для него не было тайн, и о кузнеце он

знал все и теперь, затягиваясь и глядя в окно, думал:

«Война, война... Все еще собирает она среди нас свой гнусный оброк...»

В памяти докучно звучали слова поэта, имени которого он никак не мог вспомнить:

Мы не от старости умрем,
От старых ран умрем...

И когда, поступая против собственных правил, он закуривал вторую папироску подряд, руки у него слегка дрожали.

1961

Принципы оценки аналитического задания

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёхбалльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок «зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии оценивания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.**

Итого: максимально – 70 баллов

Н.В. Направления для анализа и установочные вопросы, предложенные школьникам в задании, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое). Напишите эссе на тему «Искусство есть одно из средств единения людей» (Л.Н. Толстой).

Примерный объем работы – 500-700 слов.

К р и т е р и и о ц е н к и т в о р ч е с к о г о з а д а н и я

1. Уровень понимания смысла задания и идеи, воплощенной в высказывании Л.Н. Толстого (максимально 10 баллов).
2. Убедительность аргументации выдвигаемых положений, правомерность ссылок на факты из истории искусства и примеры из художественных произведений (максимально 10 баллов).
3. Стил ь работы, владение культурой речи (максимально 10 баллов).

Итого за все творческое задание максимально 30 баллов.

Итого за всю работу (за первое и второе задание) максимально 100 баллов.